

АРКАДИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ МОЛЧАНОВ

(1947–2010)

Российское антиковедение и историческая наука в целом понесли большую утрату. 18 июля 2010 г. скоропостижно скончался Аркадий Анатольевич Молчанов, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН и давний автор ВДИ, видный специалист очень широкого профиля, замечательный человек.

А.А. Молчанов родился 27 февраля 1947 г. в Москве, в семье потомственных интеллигентов с передававшимися из поколения в поколение культурными и научными традициями. Прадед Аркадия Анатольевича занимался исторической географией Святой Земли; дед был крупным медиком, генеральным ученым секретарем Всесоюзного общества терапевтов, заслуженным врачом РСФСР; отец, выпускник Московского государственного Историко-архивного института, занимал пост заместителя председателя президиума Центрального Совета ВООПИК.

В подобной среде органично формировался круг интересов способного юноши – в высшей степени разносторонний, но, естественно, с основным историческим «вектором». В 1965–1970 годах Аркадий учится на истфаке МГУ им. М.В. Ломоносова. Он – студент искусствоведческого отделения, но одновременно посещает занятия на кафедре археологии, вникает в сложные проблемы лингвистики, одним словом, закладывает основы своих универсальных знаний. Впоследствии он с неизменной благодарностью вспоминал своих учителей – В.Л. Янина (под его руководством была

написана кандидатская диссертация Аркадия Анатольевича «Знаки княжеской собственности в политико-административной и хозяйственной жизни Древней Руси», защищенная в 1976 г.), Л.А. Гиндина, Н.Я. Мерперта и др. А учиться он не переставал всю жизнь...

Служебная же биография ученого далее складывалась так: окончив с отличием университет, он работал вначале в отделе нумизматики ГИМ, одновременно являясь аспирантом-заочником кафедры археологии МГУ. А в 1972–1990 годах он трудился в научно-производственном тресте «Мособлстройреставрация», где был штатным археологом и искусствоведом. В круг его обязанностей, в частности, входило руководство Подмосковной архитектурно-археологической экспедицией, и Аркадий Анатольевич Молчанов вел раскопки в ряде древних городов Московской области, в их кремлях и монастырях. Волоколамск, Коломна, Можайск, Серпухов, Новый Иерусалим, Троице-Сергиева лавра...

В 1990 г. А.А. Молчанов перешел в Институт всеобщей истории РАН, где и работал вплоть до своей кончины. В ИВИ его знали и воспринимали прежде всего как микенолога и миноиста. И он, вне сомнения, был таковым. Достаточно упомянуть, например, что им были написаны наиболее важные и принципиальные разделы в одном из самых известных комплексных исследований по микенологии, увидевшем свет в 1988 г. – «Памятники древнейшей греческой письменности (введение в микенологию)» (в соавторстве с В.П. Нерознаком и С.Я. Шарыпкинским). Две книги были им посвящены минойским письменностям и, в частности, дешифровке знаменитого Фестского диска («Таинственные письмена первых европейцев», 1980; «Посланцы погибших цивилизаций (Письмена древней Эгеиды)», 1992). В этих работах обращает на себя внимание сочетание качеств, характеризующих по-настоящему творческую работу: исключительно живого, яркого стиля изложения и тонкого, отточенного хода авторской аргументации. Интерпретация Фестского диска, предложенная исследователем (совместный акт правителей ряда критских городов с указанием их титулатуры), и по сей день остается одной из самых вероятных и убедительных среди всех существующих.

Наконец, в 2000 г. Аркадий Анатольевич опубликовал свою наиболее значительную монографию «Социальные структуры и общественные отношения в Греции II тысячелетия до н.э. (Проблемы источниковедения минойстики и микенологии)», в которой подвел итоги проделанных им многолетних исследований по проблемам истории минойской и микенской цивилизаций, ранее нашедших отражение в большом цикле его статей.

В общем, в самых крупных работах А.А. Молчанова действительно освещается история доантичной Эгеиды. Однако его определение как микенолога было бы непростительно неполным. Да, он был знатоком и в этой области – как и во множестве других.

Список публикаций Аркадия Анатольевича к моменту его смерти насчитывал более 500 наименований, что уже само по себе впечатляет. Но главное – не в количестве. Поражает прежде всего колоссальная и, без преувеличения, уникальная тематическая широта, разнообразие предметов и сюжетов, которые он освещал в своих исследованиях. Микенология и минойстика, включая изучение самых первых в Европе эпиграфических памятников – надписей, сделанных критской иероглификой и эгейскими силлабарами; нумизматика во всех ее основных разделах – античная, восточная, западноевропейская, российская; генеалогия древнегреческой, мусульманской, русской аристократии; эпиграфика и сфрагистика Древней Руси (упомянем о его получивших известность работах о знаках Рюриковичей)... Этот перечень не только не является исчерпывающим, он затрагивает лишь малую толику проблем, которыми занимался ученый.

Воистину перед нами – энциклопедизм, достойный целого института, а тут он сочетался в лице одного человека. Другой такой пример среди наших современников трудно припомнить; более того, в подобную многогранность нелегко даже поверить в наш век узкой специализации. Аркадий Анатольевич Молчанов быстро сходил на почве профессиональных интересов с самыми разными людьми, но, строго говоря, каждый из нас знал лишь его «маленькую частичку». Кто мог бы в полной мере оценить его вклад в науку? Далеко не все нумизматы, с которыми он общался, знали о том, что его главные монографии посвящены крито-микенской эпохе; с другой стороны, антиковеды, как правило, имели весьма смутное представление о значимости его исследований по древнерусской эпиграфике...

Помнится, кто-то из коллег удачно назвал Аркадия Анатольевича «гением специальных исторических дисциплин». Заметим еще, что все эти дисциплины (а среди них почти нет такой, в которой бы он не оставил научный след) воспринимались им не изолированно друг от друга, а в синтезе, как некая единая целостность. Нумизматика, эпиграфика, геральдика, ономастика, генеалогия, просопография, топонимика, историческая география, сфрагистика, бонистика... Он, как никто другой, умел

находить точки соприкосновения между всеми ними. Непревзойденная эрудиция, умение логично и красиво мыслить, великолепная память – всё это помогало ему.

А.А. Молчанов был человеком исключительно щедрой души. Его памятные всем открытость, приветливость, доброжелательность, общительность – всё это было проявлениями той самой его душевной щедрости и искренности. Оттого-то у него было так много друзей.

Он вообще жил не для себя, а для других! Откликнулся первым, когда нужно было кому-нибудь помочь – будь то другу, будь то совсем малознакомому человеку. Всем делился, что у него было, очень любил делать добро. На самого себя у него, похоже, просто не оставалось времени, да он и не думал о себе – о своем материальном благосостоянии, даже о своем здоровье...

Это был альтруист-бессребреник в самом чистом виде. Бытовая обстановка его жизни была более чем скромной – всё «по старинке». Не имел мобильного телефона и, кажется, даже компьютера. Зато громоздились повсюду в квартире кипы книг. На нескольких полках поблескивали потускневшим золотом корешков ряды старинных томов. «Это Брокгауз. Он у меня полный, я на нем вырос», – с гордостью говорил Аркадий Анатольевич.

В высшей степени были свойственны А.А. Молчанову абсолютная честность, доходящая до *plus ultra* порядочность и необычайная пунктуальность. За последнюю его, случалось, называли «педантом»; но, на мой личный взгляд, этот эпитет выражает не недостаток, а огромное достоинство. Точность («вежливость королей») в наши дни не в чести, даже высшие лица государства могут запросто опоздать на намеченное мероприятие и нимало не смутиться. Но абсолютно невозможно было представить себе, что, допустим, назначена встреча с Аркадием Анатольевичем – и он придет позже хоть на минуту (!), или что он что-нибудь пообещает – и не сделает. Нет, об этом человеке можно было в любом случае, не колеблясь, сказать: «Он не подведет».

Потому-то он был совершенно незаменим как редактор, рецензент, консультант, участник обсуждения той или иной научной работы. Любой специалист с огромным удовольствием давал рукописи на прочтение прежде всего А.А. Молчанову, зная, что он со всей возможной скрупулезностью «прошерстит» текст, заметит неточности, противоречия, неудачные выражения и даже опечатки, – в общем, то, что ускользнуло от взгляда автора.

Замечательным качеством Аркадия Анатольевича была огромная личная скромность, доходящая до какого-то самоотвержения. Он никогда не афишировал свои заслуги и достижения. Среди его друзей и близких знакомых были и выдающиеся ученые, академики и члены-корреспонденты РАН, и известные писатели, и люди, занимающие высокое положение в государственной иерархии... Многие другие на его месте кичились бы подобными связями и, уж во всяком случае, постоянно пользовались бы ими для облегчения своей жизни. Но только не А.А. Молчанов!

Аркадий Анатольевич был неутомимым тружеником. Это, наверное, и так уже ясно из сказанного выше о количестве и тематическом спектре его работ. Его работоспособность просто поражала. Кстати, при всей своей доброте и мягкости он в научных вопросах всегда проявлял самую строгую принципиальность. Любые попытки «протасить» несостоятельные идеи, опубликовать чью-нибудь откровенно слабую статью и т.п. встречали с его стороны самый решительный отпор. В устных и письменных отзывах, предельно вежливых и корректных по форме, но суровых и нелицеприятных по содержанию, он исчерпывающим образом раскрывал суть той или иной «комбинации». Причем ему было совершенно безразлично – критиковать ли оппонента «за глаза» или «в глаза», а этим, к сожалению, большинство нас, грешных, вряд ли может похвастаться.

Надо отдать должное: коллеги, как правило, понимали, что Аркадий Анатольевич заботится только о чистоте науки, что его возражения никогда не имеют личного характера, и не обижались, даже если и слышали что-то нелестное для себя. Врагов у него, насколько знаю, почти не было; остроумный весельчак, он всегда оставался душой любой компании. Но случалось, что обычное улыбчивое выражение его лица мгновенно преображалось в гневное, негромкий и приветливый голос креп и раскатывался громом... Это происходило тогда, когда он сталкивался с хамством, которого органически не переносил. Особенно не терпел невежливое отношения к женщинам, всегда грудью вставал на защиту обижаемой. Он был настоящим рыцарем.

В последние годы А.А. Молчанову приходилось очень трудно. Тяжело болела его престарелая мать, для которой он был единственным близким человеком, и ему приходилось всё свободное время проводить с ней, принять на себя обязанности бессменной «сиделки». А последним ударом, добившим его, оказалось, несомненно, чудовищное лето 2010-го. Аркадий Анатольевич, давний астматик,

особенно болезненно переносил именно такую погоду – жаркую и душную, которая надолго установилась в этом году.

Он ушел, оставив в душах всех, кто знал его, чувство глубочайшей скорби. Как велика эта потеря! В жизни как будто образовалось огромное пустое место, которое никто и ничто уже не заполнит. Память о нем навсегда сохранится в наших сердцах.

И.Е. Суриков

Весть о внезапном уходе из жизни Аркадия Молчанова 18 июля каждый из нас, его коллег и друзей, воспринял с болью в сердце. Всего лишь несколько дней назад Аркадий – прекрасный ученый, замечательный рассказчик, веселый, остроумный человек и верный друг – был у нас в редакции ВДИ. Шутил, вспоминал забавные истории из нашей «журнальной» жизни, рассказывал о своем отце. Он всегда был тесно связан с нашим журналом – не только как его постоянный автор, но и как внимательный, доброжелательный рецензент и редактор статей.

Аркадий был исключительно порядочным человеком. Обладая мягким и добрым характером, он тем не менее неизменно твердо отстаивал свои представления о человеческом достоинстве, чести и профессиональном долге. Нам будет его не хватать...

*Отдел сравнительного изучения древних цивилизаций
Института всеобщей истории РАН
Редколлегия и редакция журнала
«Вестник древней истории»*